

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

«ТЁМНАЯ»
ВЕДЬМА
ИЩЕТ ЖЕНИХА
ДРАКОНА НЕ ПРЕДЛАГАТЬ

Надежда Соколова
"Темная" ведьма ищет
жениха. Дракона не предлагать

<https://litres.ru/74189934>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне сорок, я старая дева. Попаданка с Земли, я работаю ведьмой в магическом мире, довольна своей жизнью и не собираюсь ничего в ней менять. Но боги внезапно решают, что мне пора замуж. Вот тогда-то все и начинается...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Надежда Соколова

"Темная" ведьма ищет жениха. Дракона не предлагать

Глава 1

— Нет.

Голос матери врезался в сон стальным обручем — тот самый, который в детстве я ненавидела больше всего на свете. Я и во сне могла различить каждую интонацию: сначала ледяное спокойствие, потом нарастающее шипение, и наконец — финальный аккорд из ультразвука, способный разбудить даже мёртвого дракона.

— Арина!

— Нет, мама. Я за него не выйду.

— Ты понимаешь, что тебе почти сорок?! Когда ты рожать будешь?! А ребенка воспитывать?!

— Тридцать восемь. И лучше без детей жить, чем от такого рожать.

— Арина...

Резкий звонок будильника — того самого, земного, пла-

стикового, купленного ещё в «массмаркете» за двести рублей, — очень вовремя перебил скандалившую мать. И она удачно растаяла в лёгкой предрассветной дымке, оставив после себя лишь противный привкус валидола и обиды. Я открыла глаза, зевнула, с удовольствием потянулась, хрустнув позвонками — всё-таки средневековые кровати, даже магически улучшенные, не балуют ортопедией. За окном, вместо привычного асфальта, колыхалось море сизого тумана, в котором тонули островерхие крыши соседних домов; где-то внизу скрипнула телега, и чей-то бас выругался на староарнском — местном диалекте, который я выучила за два года, потому что учебников тут не водилось.

Сон. Всего лишь сон. И слава всем местным богам — Троерукому, Ветрогласому и особенно Хмурому, который ведаёт снами и, видимо, любит подшучивать. С другой стороны, те же боги своими знаками ясно дали мне понять: пока замуж не выйду, на Землю не вернусь. Какой именно знак был решающим — то ли внезапно засохший фикус на подоконнике, то ли надпись «Арина + Ортан = любовь» на заборе местного трактира, выцарапанная пьяным гномом, — но факт остаётся фактом: портал открывается только для «семейных пар». И ладно. И пусть. Значит, буду жить в магмире, лечить народ, препираться с домовушкой и гонять по дому наглого рыжего кота Ваську. Уж лучше так, чем выходить замуж за нелюбимого.

Я села на кровати, свесила босые ноги вниз и с наслажде-

нием пошевелила пальцами по тёплому деревянному полу — местная магия не давала простудиться даже зимой, а заодно подогревала кружку с чаем, если оставить её на ночь на столе. В комнате пахло сушёной мятой, лавандой и чуть-чуть — серой: это в печи дотанцовывал вчерашний зельеварский эксперимент, который я решила не открывать до завтрака. На стенах висели пучки трав, перевязанные красной нитью, а в углу дремал веник, который иногда сам собой подпрыгивал, если я забывала его вытряхнуть. Всё это — моя новая реальность, странная, неудобная, но живая.

— Аринка, завтрак готов, — позвала моя домовушка Лиска, появляясь из воздуха с лёгким хлопком, будто кто-то щёлкнул пробкой от шампанского.

Лиска была маленькой, с копной рыжих волос, вечно расчёпанных, и передником в горошек, который она меняла каждую луну — исключительно по своему капризу. Она считала себя главной по хозяйству и не упускала случая напомнить, что без неё я бы уже утонула в грязных чашках и кошачьей шерсти.

— Иду, — я ещё раз зевнула, снова потянулась, чувствуя, как хрустят суставы, и почесала затылок. — Васька где?

— По кошкам пошёл. — Лиска фыркнула и поправила упавшую прядь. — Третью ночь подряд. Я уж думала, он себе там гарем завёл, а он просто в подвале мышей ловит. Ну, и заодно соседскую Мурку, — добавила она с таким видом, будто речь шла о государственной измене.

Вот же, кошачий ловелас. Ну и ладно. Мне больше достанется. Васька, рыжий нахал с белым пятном на груди, имел привычку являться к завтраку минута в минуту, вытирая лапы о мой чистый фартук, и требовал себе отдельную порцию творога. Если его не было, значит, либо он влюблён, либо нашёл что-то более интересное, чем домашняя стряпня. Я только усмехнулась: меньше хлопот, больше времени спокойно выпить утренний отвар из зверобоя и мелиссы, который Лиска всегда ставила у изголовья. Сегодня он пах особенно насыщенно — домовушка явно добавила щепотку сушёного яблока, чтобы задобрить меня после вчерашнего спора о том, кто должен чистить котлы после зелий.

Я встала, накинула халат — потёртый, но любимый, с зайчиками, привезёнными ещё с Земли (местные считали его колдовским артефактом и побаивались), — и направилась на кухню, где на столе уже дымилась тарелка каши с лесными ягодами, а рядом лежал ломоть тёплого хлеба с маслом. За окном туман начинал редеть, открывая вид на замшелые башни городской ратуши и шпиль храма Троерукого — весь магмир просыпался неспешно, как старый кот после обеда. Я села, пододвинула к себе кружку и мысленно поблагодарила богов хотя бы за то, что они не заставили меня выходить замуж за того хмыря, а ограничились перспективой вечного быта в этом дивном, пахнущем травами и магией мире. И, судя по тому, как аппетитно булькала каша, а Лиска ворчала у печи, что я опять не убрала книги, жизнь удалась. По

крайней мере, сегодня.

Так что же я делала в этом глухом городишке, затерянном среди хмурых сосновых лесов и топких болот, где даже почтовая сова сбивалась с пути? За два года я не просто освоилась — я обросла бытом, привычками и местным фольклором, как старый дуб — мхом. Мой дом, кривоватый, но тёплый, с крышей, покрытой дранкой, стоял на отшибе, возле старого колодца, вода в котором, по слухам, помнила ещё времена кочевников-орков. Вокруг дома был разбит огород: тыквы, которые Лиска заставляла расти по струнке, морковь с лёгким сапфировым отливом (мутировавшая от соседства с магическим камнем в подполе) и три грядки мяты — перечной, кошачьей и той, что местные называли «ведьминой слезой», потому что она цвела только в полнолуние и пахла так, что даже гоблины чихали за версту.

По утрам, плотно позавтракав и отправив Ваську на его кошачьи делишки, я открывала свою «приёмную» — крошечную горницу, где на дубовом столе лежали засушенные травы, баночки с мазями и самая ценная вещь: мой земной блокнот в клеточку, исписанный каракулями рецептов из интернета, которые я адаптировала под местную магию. Сюда, скрипя половицами, приходили пациенты. И пациенты эти были — о да! — куда разнообразнее, чем на Земле.

Первым, бывало, заглядывал старый гном с длинной бородой. Звали его Торгиль, но все звали просто «Борода», потому что его борода была длиннее его самого и вилась в три

косички, в которые он вплетал медные заклёпки. Борода жаловался на радикулит — сушая напасть для тех, кто полвека просидел в шахте. Я смешивала для него настойку из корня лопуха, капель дождевой воды, собранной во время грозы, и щепотки молотого имбиря, а потом втирала эту субстанцию в поясницу под ворчание домовушки, которая считала, что гномы слишком много пьют пива и сами виноваты. Через два сеанса Борода вставал на ноги и даже обещал принести угля на зиму — чем я, разумеется, пользовалась.

За гномами приходили эльфы — но не те высокородные, луноликие создания из баллад, а обычные лесные, низкорослые, вечно недовольные, с глазами цвета осенней листвы и привычкой хлюпать носом. Местные эльфы страдали аллергией на пыльцу папоротников, которая в их родном лесу цвела круглый год. Я делала им отвары из крапивы и берёзового сока, и эльфы, фыркая, но при этом благодаря, оставляли у порога корзинки с лесными грибами — лисичками и маслятами, которые Лиска тут же перебирала и сушила, приговаривая, что «эльфийские дары и до зимы долежат».

Были и более экзотичные визитёры: полуорк-кузнец по прозвищу Молот, которого мучила изжога после каждого обеда (он ел мясо с кровью, запивая кислым квасом); троллиха-повитуха с соседней деревни, которая просила приворотное зелье для своего мужа-оборотня (я отказывалась, но давала успокаивающий чай); и даже несколько кобольдов, прибежавших с жалобами на зубную боль — их мелкие, ост-

рые зубки вечно крошились от местных леденцов. С кобольдами было сложно: они боялись домовушку, потому что Лиска ворчала громче их писка, и норовили цапнуть за палец, но я нашла подход — давала им жевать кору ивы, и зубки затягивались сами.

Самым частым гостем была, однако, человеческая старуха Марфа — та самая, что жила на краю городишка и держала трёх гусей. У Марфы болели суставы, и я каждое утро, если не было срочных вызовов, натирала ей колени мазью на козьем жире с добавлением арники и чеснока. За это старуха приносила свежие яйца и сплетни и, разумеется, всякий раз вставляла многозначительное: «А ты, Аринушка, всё одна? Пора бы уж...» — но я только отмахивалась и улыбалась, напоминая про «ветреные знаки богов».

Местные расы относились ко мне настороженно, но без злобы. Кто не знал, считали меня «лекаркой» — обычной деревенской знахаркой. Кто знал правду — а таких было немало, потому что городишко был глухим, и слухи ползли медленно, — принимали мою магию как должное, ведь я лечила, не требовала золота (брала продуктами или услугой: то крышу починят, то дров напилят), и никогда не плела интриг. Даже местный староста, суровый человек с лицом, изрезанным ветрами, приводил ко мне своих хромых овец и щедро отсыпал муки.

Я не чуралась и самой грязной работы: чистила копыта у породистых лошадей, которых завозили из столицы (драко-

нов, к слову, там было полно — но до этого захохотавшись их запах даже не долетал); промывала раны у лесных разбойников, если те приползали после неудачной стычки с патрулём; и даже помогала облегчать роды у местных женщин — земные знания плюс магия делали чудеса, и ни одна мать не умерла в муках за эти два года, за что я снискала молчаливую, но крепкую благодарность.

По вечерам, когда солнце садилось за болото и туман розовел от заката, я садилась с кружкой чая на крыльцо, оглаживала Ваську, который возвращался с боевым видом и обязательно с мышкой в зубах (которую Лиска потом со вздохом хоронила за тыном), и перебирала пузырьки. Я колдовала негромко, без спешки — заваривала новые настои, проверяла заклинания на сохранность продуктов, укрепляла обереги по углам дома. Иногда ко мне присоединялась Лиска, которая садилась на перила и болтала ногами, жалуясь на ветер, на кота, на то, что я опять сушу травы не в тот лунный день. И я слушала, усмехаясь в кружку.

Я привыкла к этому городишке — к его запахам сырости, дыма и хвои, к его неторопливому ритму, к тому, что каждый день приносил какую-то новую хворь или мелкую магическую неполадку, и к тому, что никто не требовал от меня замужества, кроме моего же собственного подсознания в снах. «Выйду — вернусь на Землю, — думала я, глядя на мерцающие звёзды, которые здесь складывались в причудливые узоры, незнакомые школьным атласам. — Ну уж нет.

Я тут, пожалуй, нужнее, чем там. И даже без драконов вполне счастлива». И с этими мыслями я закрывала ставни, загоняла Ваську внутрь, и под ворчание домовушки отправлялась спать, чтобы завтра снова лечить гномов, поить эльфов и улыбаться старухе Марфе, которая непременно спросит про женихов.

Глава 2

Меня звали Строгова Арина Вячеславовна. На Земле я работала преподавателем в одном из университетов — учила студентов русскому языку и литературе, думала о сессиях, зачётах, экзаменах, курсовых и дипломных работах. Личная жизнь постоянно отодвигалась на второй план, потому что перепроверять сочинения про «Обломова» и ставить троечнику «неуд» за пунктуацию было куда проще, чем ходить на свидания с бухгалтерами или менеджерами, которые норили угостить меня шаурмой в подворотне. Мне не хотелось выходить замуж за первого встречного. А принцев на белых иномарках рядом не наблюдалось — только серые «Логаны» и вечно спешащие маршрутки. И до тридцати восьми лет я прожила в своей однушке, взятой в ипотеку, без семьи и детей, с единственным утешением — рыжим уличным котом, которого подобрала в дождливый ноябрь под ржавым мусорным баком. Из всей родни у меня были только мать с отцом, жившие неподалёку, в панельной девятиэтажке через два квартала. Мы виделись по праздникам, мать вздыхала над моим холостяцким холодильником, отец молча подкручивал краны, и оба, как по команде, заводили песню про «пора бы внуков».

В тридцать восемь, отметив свой день рождения вместе с родителями за варениками с вишней и бутылкой дешёвого

шампанского, я поздно вечером вышла из их подъезда. В голове шумело от алкоголя и маминых причитаний, а в руках я сжимала пакет с остатками пирога — на завтрак. Никогда не любила темноту дворов, вечно заставленных машинами, но в тот вечер судьба решила пошутить особенно зло: я не увидела открытый люк — какой-то идиот забыл закрыть его после ремонта труб. Оступилась, взмахнула руками, выронила пирог, и провалилась. Не в подвал, не в канализацию, а в бесконечную, холодную, пахнущую озоном пустоту, где не было ни стен, ни пола, только звёздная рябь и собственный отчаянный крик.

Очнулась я уже здесь, в магмире. Лежала на сухой прошлогодней листве в сосновом лесу, а надо мной склонялась незнакомая женщина в платке и с удивлённым лицом — она приняла меня за заблудившуюся странницу. Рядом, на моей груди, сидел тот самый рыжий кот — Васька, как я окрестила его ещё в земной реальности. В том, другом мире, он внезапно заговорил. Вернее, сначала он просто мяукнул, но мяукнул так, что я отчётливо услышала: «Ну и куда ты, дура, вляпалась?» Я решила, что у меня сотрясение, но кот продолжал комментировать всё вокруг — едко, нагло и с такой интонацией, будто всю жизнь был профессором философии, а не дворовым попрошайкой. Он обнаглел мгновенно: стал требовать творог по утрам, спать на моей подушке и гонять местных котов с такой яростью, что даже оборотни обходили наш дом стороной.

Первое время я пыталась найти способ вернуться. Пыталась местных магов и даже одного полубезумного алхимика, который торговал зельями на базарной площади. Все они в один голос твердили: порталы открываются только по великой нужде, а «великая нужда» — это, по местному канону, супружеские узы. Замуж выйдешь — и ворота на Землю распахнутся. Но выходить за нелюбимого я не собиралась и здесь, поэтому махнула рукой, собрала разрозненные земные знания и решила: буду лечить. Тем более что моя университетская привычка систематизировать информацию и раскладывать по полочкам пригодилась — в два счёта я выучила местные травы, адаптировала свои конспекты по химии к зельеварению и даже придумала пару собственных рецептов, от которых гномы чихали серебром, а эльфы начинали видеть сны на языке сосновых иголок.

И вот теперь я сидела на своей кухне, хлебала кашу и вспоминала ту самую ночь, когда всё перевернулось. Пакет с пирогом я так и не нашла — наверное, он остался где-то между мирами, и мыши там теперь едят пироги с вишней. А я осталась здесь, в глухом городишке, с домовушкой Лиской, наглым котом-говорунчиком Васькой и целой толпой пациентов — от хромых гномов до ипохондриков-кобольдов. И, честно говоря, я не жалела. Ну, может, самую малость, когда вспоминала горячую воду из крана и интернет со скоростью сто мегабит, — но местный чай на болотных травах и беседы с Лиской по вечерам стоили этих жертв.

Я доела кашу, вытерла губы и услышала, как за дверью затоптался первый посетитель — судя по тяжести шагов, это был Борода с очередным приступом радикулита. Я вздохнула, поправила халат с зайчиками и пошла открывать. Васька, вернувшийся с утренней прогулки, уже сидел на пороге и смотрел на меня с таким видом, будто хотел сказать: «Ну что, началось твоё ведьминское веселье?» И я усмехнулась: похоже, боги решили, что моя настоящая жизнь начинается только сейчас. А Земля... Земля подождёт.

Глава 3

— Матушка ведьма, — прогудел просительно Борода, едва переступив порог, и я сразу услышала, как хрустнули его колени — да так звонко, будто кто-то переломил сухую сосновую ветку. — Помоги разогнуться, а то сил нет уже! С вечера в шахте просидел, на сквозняке, а теперь вот — ни встать, ни сесть, только лежать и помирать.

Я сдержала нервное хмыканье, рассматривая гнома. Борода стоял согнувшись чуть ли не вдвое, его медные косички почти касались пола, а лицо, изрезанное глубокими морщинами, было серым от боли. Да, скрутило его знатно. В таком состоянии не только работать — спать нельзя: каждый вздох отдаётся прострелом в пояснице, а уж если чихнёшь — так вообще звезды из глаз посыплются. Я покачала головой, мысленно пожалев бедолагу, и потянулась к полке у стены, где среди пучков сушёной полыни и пузырьков с мутными настоями висел мой главный инструмент — амулет из старого дубового корня, оплетённый медной проволокой с выгравированными рунами местного алфавита. Сделала я его сама, по подсказке Лиски, и он работал безотказно: снимал спазмы, разгонял застоявшуюся кровь и заодно отпугивал мелких пакостников вроде домовых-конкурентов.

Я взяла амулет в ладонь — он был тёплым, как живой, — помахала им над головой Бороды, бормоча заклинание, ко-

торое выучила ещё в первый месяц: «Кость по кости, сустав по суставу, разойдись, боль, по сухой траве». Слова звучали нелепо даже для моих собственных ушей, но местная магия любила простоту и рифму. По телу гнома пробежала лёгкая голубоватая искра, он вздрогнул, выдохнул, и — о чудо! — медленно, хрустко, но с явным облегчением разогнулся. Его борода перестала волочиться по половицам, плечи распрямились, и на лице заиграла такая блаженная улыбка, будто он только что выиграл в кости целый мешок золота.

— Ох, матушка, — выдохнул Борода, потирая поясницу, — век не забуду. Ты, главное, скажи, сколько с меня за мазь? А то я без тебя пропаду.

Теперь оставалось продать ему баночку с моей фирменной мазью на медвежьем жиру, которую я настаивала на корнях лопуха и добавляла туда щепотку молотого перца для прогрева. Я достала с нижней полки глиняный горшочек, обвязанный бечёвкой, и протянула Бороде, попутно напомнив, что всех денег не заработаешь — надо и отдыхать. А то снова радикулит разобьёт, и тогда уже никакой амулет не поможет, только полный покой и компрессы из болотной грязи, которые воняют так, что даже кобальды нос воротят.

Борода покивал, слушая мои наставления, смущённо почёсывая затылок, где под шапкой курчавились седые пряди. Затем он оставил на столе несколько медных монет — негусто, но я не жадничала, тем более что он обещал принести угля на всю зиму, — взял баночку, спрятал её за пазуху и,

довольный, почти бегом сбежал по ступенькам домой, даже не хромая.

Вслед за ним пошли и другие клиенты.

Марфа приковыляла с пучком свежей зелени и жалобой на левое колено, но я быстро натёрла его остатками вчерашней мази, и бабка умиротворённо зацокала языком.

Затем заглянул запыхавшийся кобольд — тот самый, с зубной болью, — я дала ему пожевать кору ивы и отправила восвояси с наказом не налегать на леденцы.

А под вечер пришёл и полуорк Молот, который страдал изжогой: я налила ему успокоительного отвара из ромашки и тысячелистника, и он, рыкнув что-то благодарное, оставил мне ломоть домашнего хлеба — горячего, с хрустящей корочкой.

Так, сменяя пациентов, я и проработала до самого заката, почти не отвлекаясь, только успевала менять воду в тазике для мытья рук и перекладывать засыхающие травы.

Когда последний посетитель — эльф с вечно слезящимися глазами — ушёл, пообещав завтра принести грибов, я, наконец, удовлетворённо вздохнула, вытерла вспотевший лоб, потянулась так, что хрустнули плечи, и почувствовала, как приятно ноют мышцы после долгого дня. В горнице пахло травами, воском и чуть-чуть потом — моим собственным, смешанным с ароматом целебных отваров. Я сняла фартук, висевший на гвозде, и звонко крикнула в пустоту:

— Лиска! Покорми меня!

Не успела я закрыть рот, как из воздуха, с привычным хлопком, вынырнула моя домовушка — растрёпанная, с рыжими кудрями, торчащими во все стороны, и с ложкой в руке, будто она уже стояла у печи.

— Сейчас, сейчас, — затараторила она, поправляя передник, — каша уже готова, только грибов добавлю, дай минутку...

— И меня! — раздалось с порога, и я обернулась. Васька, паршивец рыжий, сидел на полочке и смотрел на меня наглым взглядом, в котором читалось: «Я тут, я всё слышал, и мою долю никто не отменит». И когда только успел, шельмец, домой вернуться? Всё утро пропадал неизвестно где, вернулся с мокрыми лапами и слегка помятым видом — видимо, опять участвовал в кошачьей разборке за территорию. — Я готов быка съесть! — заявил он, садясь на задние лапы и хлестнув хвостом по полу.

— Мышей пойди в подполе погоняй, — проворчала я, скрестив руки на груди. — У всех коты как коты. На самообеспечении. Ловят мышей, едят что дают, и не вякают. А мой... Толстый рыжий шар! Корми его постоянно! Ты мне весь запас творога проел за неделю, а ещё туда же — «быка съесть»!

— Жадная ты, Аринка, — выдал этот шельмец, даже не моргнув, и для убедительности лизнул лапу. — Я, между прочим, охраняю дом от всяких злодеев. Вот вчера двух котов соседских прогнал — чуть шерсти не лишились. А ты

мне в ответ — мыши. Неблагодарная.

Я хотела возразить, но с кухни донёсся звон посуды, и Лиска, высунув голову, вставила своё веское слово:

— А ну перестаньте собачиться! И кот, между прочим, прав — вчера он действительно гонял соседского полосатого от нашего крыльца. Так что хватит ворчать, Аринка, садись ужинать, я всё подала.

Я вздохнула, развела руками — что поделаешь, с этими двумя не поспоришь, — и направилась к столу, чувствуя, как от усталости гудит в висках. А Васька уже скакал рядом, трогательно тыкаясь носом в мою ногу, всем своим видом показывая, что он не жадный, просто голодный герой. И я, махнув рукой, махнула и ему: мол, садись, обжора, сегодня ты победил.

Глава 4

Я только успела принять у Лиски тарелку с дымящейся кашей, как за окном раздался странный хлопок — негромкий, но отчётливый, будто кто-то лопнул пузырь с мыльным раствором. Я настороженно подняла голову, но ничего не увидела — за ставнями уже сгущались сумерки, и только редкие звёзды проклёвывались на сизом небе. Васька, успевший устроиться на лавке с видом голодного властелина, насторожил уши и заворчал:

— Чую магию. Чужую. Не твою, — и фыркнул, словно унюхал нечто кислое.

Не прошло и нескольких мгновений, как в приоткрытую форточку, с едва слышным звоном, влетело нечто светящееся. Я даже не сразу поняла, что это — то ли мотылёк, то ли пернатый фонарик. Оно покружило под потолком, оставляя за собой золотистый шлейф, и бесшумно опустилось прямо на стол, рядом с моей тарелкой. Свет погас, и я увидела обычный свиток пергамента, перевязанный тонкой синей лентой с сургучной печатью. На печати красовался герб — незнакомый, но внушительный: горный пик и скрещённые молоты. Местные, видимо, знатные.

— Ой, — выдохнула Лиска, появляясь рядом и с любопытством заглядывая через моё плечо, — это ж вестник из столицы! Или с запада? Я такие видела, когда у старого ба-

рона жила... давно, правда.

Я развязала ленту, развернула пергамент и пробежала глазами по витиеватым буквам, выведенным золотыми чернилами. С каждым словом моя бровь поднималась всё выше, а челюсть — опускалась всё ниже. Письмо было официальное, от магического нотариуса города — кажется, его звали Канцлер Эрванд, — и гласило, что я, Строгова Арина Вячеславовна, признана единственной наследницей некоего графа Ульриха фон Торнвальда, моего «дальнего родственника по материнской линии», который, по воле богов, недавно почил в своём мрачном замке на Горе Ветров, расположенной ровно в трёх днях пути от нашего городишка, если идти через Тёмный Лес и старый орковый тракт.

Далее шло перечисление наследства: сам замок — с башнями, рвом, подвесным мостом и, как уверял нотариус, «неповторимым шармом средневековой мрачности»; всё золото, которое покоилось в подземных хранилищах (сумма указывалась с пометкой «весьма значительная»); а также земли, округ и даже что-то вроде небольшого виноградника, правда, давно заросшего репейником. Моё сердце забилось чаще — золото, замок, свобода от ипотеки (здесь, правда, ипотеки не было, но я помнила земные муки)!

Но затем шло «одно условие», и я чуть не поперхнулась воздухом. Строгим официальным слогом было прописано: наследство перейдёт ко мне только в том случае, если я в течение трёх лунных месяцев (то есть около девяноста дней по

местному календарю) обрету законного супруга и вступлю в брак. Никаких исключений, никаких отсрочек. Если я не выполню условие, магия, запечатанная в завещании, «блокирует все мои ведьмовские силы» навсегда. То есть я перестану чувствовать травы, мои зелья превратятся в мутную воду, а амулеты — в бесполезные деревяшки. И отказаться от наследства тоже нельзя: завещание было составлено по древнему кодексу, и я автоматически вступаю в права наследницы, но ровно до тех пор, пока не истечёт срок.

Я сидела и тупо смотрела на пергамент, а в голове проносились обрывки мыслей: «Граф Ульрих? Кто это вообще? Мать никогда не упоминала никаких графов, даже в редкие минуты откровенности. Может, это какая-то ошибка? Или розыгрыш местных магов?» Но печать была настоящая, и магия, исходившая от свитка, ощущалась как тягучий, старый запах пыли и меди — никакого обмана.

— Ну что там? — не выдержал Васька, спрыгивая с лавки и подходя к столу. Он даже на задние лапы встал, пытаясь заглянуть в свиток. — Ты побледнела, как поганка. Неужели налоговая?

— Хуже, — выдавила я, перечитывая условие вслух, чтобы Лиска и кот слышали. — Я должна найти мужа. За три месяца. Иначе моя магия пропадёт.

Наступила тишина. Лиска прижала руки к груди, её рыжие кудри взметнулись от резкого движения. Васька моргнул, опустился на все четыре лапы и с невероятным ехид-

ством произнёс:

— Ну, поздравляю. Выходи за Бороду. Он холостой, вроде.

— Заткнись, — огрызнулась я, хотя внутри уже начинала подниматься паника. — Бороде сто двадцать лет, он спит в шахте и пахнет углём. Это не вариант.

— Тогда эльфа того, что с глазами слезится, — не уни-мался нахал. — Он хоть грибы носит.

— Васька, я серьёзно! — Я стукнула кулаком по столу, и каша в тарелке подпрыгнула. — У меня три месяца, чтобы выйти замуж за кого-то здесь, в этом Богом забытом горо-дишке, где все мужчины либо женаты, либо гномы, либо по-луорки с изжогой, либо кобольды! И если я не справлюсь — прощай, магия. А вместе с ней — и моя жизнь, потому что без силы я здесь никто.

Лиска сочувственно покачала головой, взяла свиток, пе-речитала его сама (она была грамотная, в отличие от боль-шинства домовушек) и вздохнула:

— Дело тёмное, Аринка. Этот граф Ульрих, говорят, был чудак и любитель розыгрышей. Наверное, таким способом хотел, чтобы его род продолжился. Но ты же не знала его, правда?

— Понятия не имею, — призналась я, пытаюсь припом-нить хоть что-то из семейных преданий. Мать, бывало, упо-минала какую-то «тетку из балтийских немцев», но это было настолько смутно, что я не придавала значения. А теперь вот

— замок, золото и свадебный принудительный контракт.

Васька, видя моё отчаяние, наконец, сменил тон и подошёл ближе, потёрся о мою ногу:

— Ладно, не кипи. Три месяца — срок. Найди какого-нибудь смертного, который согласится на фиктивный брак, получи половину золота и разведись. Вон, местные законы не строгие, если по обоюдному согласию.

— Ты думаешь, я не рассматривала эту мысль? — горько усмехнулась я. — Но кто тут согласится на такое? Мужики в этом городишке все или привязаны к семьям, или слишком набожны, или просто боятся ведьм. А если я найму кого-то из проезжих? А вдруг он окажется мошенником и обдерёт меня как липку?

Лиска, которая всё это время молчала, вдруг просияла:

— Арина, а ты не забыла, что завтра в городе ярмарка? Приедут купцы, бродячие артисты, может, и свободные мужчины найдутся. Хоть посмотришь, кто подвернётся. А мы с котом поможем — присмотрим, чтобы никакой жулик не просочился.

Я закрыла глаза, сжала пергамент в руках и глубоко вздохнула. В груди разрасталась тягучая тревога — сила моя, которую я так бережно лелеяла, училась применять, могла исчезнуть, если я не справлюсь с этим дурацким условием. А без магии я не смогу лечить Бороду, Марфу, эльфов и даже этого наглого кота. И какой тогда смысл в замке и золоте?

— Ладно, — сказала я, открывая глаза и кладя свиток

на стол. — Завтра иду на ярмарку. Буду высматривать жениха. Но предупреждаю сразу: если это будет какой-нибудь усатый купец с дурным запахом или полупьяный ремесленник, я лучше рискну потерей магии, чем проживу с ним даже день.

— Эй, — фыркнул Васька, — не каркай. Вдруг среди артистов окажется принц, переодетый в шута? У тебя же это всё — попаданческий роман, по логике положен красавчик на белом коне.

— Коней тут нет, только лошади с тяжелыми копытами, — буркнула я, берясь за остывшую кашу. — А принцы, если ты забыл, сидят в столице. Так что буду сама разбираться.

Лиска, улыбнувшись, потрепала меня по плечу:

— А я пока подумаю, какие травы заварить тебе для бодрости и ясности ума. И может, приворотный настой? Нет, не на жениха, а на тебя, чтоб ты была сногшибательной!

— Лиска! — возмутилась я, но в голосе уже проскользнула смешинка. — Не надо приворотов. Я хочу честно, хотя бы в этом мире.

Васька зевнул, показывая розовый язык, и улёгся на подоконнике, бросив напоследок:

— Ну, смотри. А я пока разведую, кто из местных котов знает о проезжих дворянах. Может, у них тоже своя агентурная сеть.

И я осталась наедине со свитком, теплившимся слабым голубоватым светом, и с мыслью, что теперь моя ведьмов-

ская судьба висит на волоске, а точнее — на брачной нити, которую мне предстоит сплести за три месяца. В ушах звенело мамино «когда ты рожать будешь», но теперь всё оказалось куда абсурднее: рожать мне было необязательно, а вот замуж выйти — совершенно необходимо. И я, дожевав кашу, поднялась из-за стола, решив, что завтрашняя ярмарка будет моим первым «охотничьим угодьем». С иронией, но без страха — потому что в этом мире я уже научилась справляться с гномьим радикулитом, эльфийской аллергией и наглостью кота-говорунчика. Как-нибудь справлюсь и с проклятым графским завещанием.

Глава 5

Утром я проснулась с тяжёлым чувством в груди — свиток с проклятым наследством так и лежал на столе, и стоило мне открыть глаза, как его золотые буквы сами собой всплыли перед внутренним взором. «Три месяца. Муж. Или сила». Я вздохнула, умылась ледяной водой из колодца, наспех позавтракала под ворчание Лиски, которая уже успела насушить мне в дорогу пирожков с капустой, и натянула своё лучшее платье — тёмно-синее, шерстяное, с серебряной вышивкой по вороту, которое сшила мне местная портниха за прошлогодний урожай трав. Васька, конечно, не преминул заметить:

— Ого! Платье надела! Прямо невеста. Женихов-то на ярмарке не распугай своим суровым видом.

— Заткнись, — буркнула я, поправляя волосы, — и лучше последи за домом, пока меня нет.

Он лишь фыркнул и демонстративно улёгся на мою подушку, давая понять, что его миссия — охранять тепло, а не имущество.

Ровно в полдень за воротами закрипели колёса, и я услышала звонкий, чуть хриловатый голос, который знала уже почти два года:

— Арина! Выходи, не задерживайся! На ярмарке лучшие товары разбирают до обеда!

Я выглянула в окно и увидела карету — не простую, а лёгкую, открытую, с коваными перильцами, запряжённую парой серых лошадей с огненными прожилками в гривах. На козлах сидела моя приятельница, Аделина горт Лортер, — высокая, статная женщина лет тридцати пяти, с вороными волосами, собранными в тугой пучок, и пронзительными зелёными глазами, которые в минуты волнения начинали желтеть. Она была оборотницей, из древнего рода горных волков, и мы познакомились в первый же месяц моего пребывания в магмире, когда я вытаскивала из её ладони занозу размером с палец — она тогда неудачно продиралась через терновый куст в человеческом обличье. С тех пор мы дружили: она учила меня местным обычаям, а я лечила её бесконечные ушибы и растяжения, потому что оборотни, как выяснилось, тоже не застрахованы от собственной неуклюжести.

Я выбежала на крыльцо, захлопнула дверь, шепнув защитное заклинание на замок, и запрыгнула в карету. Аделина хлестнула вожжами, лошади звонко зацокали по булыжнику, и мы покатали в сторону города, а точнее — ярмарочной площади, что раскинулась у подножия старого холма, где обычно собирались купцы со всего округа.

— Ну что, — спросила Аделина, поворачивая ко мне лицо, на котором играла лукавая улыбка, — слышала, ты наследница теперь? И тебе жених нужен? Весь городишко уже судачит!

— Откуда вы все знаете? — простонала я, пряча лицо в

ладонях. — Мне казалось, я никому не говорила.

— Твоя домовушка проболталась моей вчера вечером, — усмехнулась оборотница. — Ты же знаешь, у них свои каналы связи. Но не переживай, я тоже на ярмарку за мужем еду, так что будем вместе высматривать. Мне-то уже тридцать шесть, и матушка всё уши прожужжала, что пора внуков. Так что у нас с тобой одна задача, только у меня — добровольная, а у тебя — по принуждению.

— Спасибо за поддержку, — фыркнула я, но внутри потеплело — хорошо иметь подругу, которая не лезет с сочувствием, а просто идёт рядом.

Дорога заняла около часа. Мы проехали через сосновый лес, где деревья стояли стеной, и через несколько деревушек, где дети бежали за каретой и кричали: «Барыня, дайте монетку!» Аделина ловко лавировала между телегами и всадниками, а я рассматривала пейзаж — пыльные поля, стога сена, старые каменные мосты через мелководные речушки. Магмир был красив по-своему, сурово и по-средневековому безыскусно, но в этом была своя прелесть.

Наконец, за очередным поворотом, открылась ярмарка. Она оказалась огромной — сотни шатров и палаток из грубой ткани, разноцветных, полосатых, с вывесками на нескольких языках. Пахло жареным мясом, пряностями, свежим хлебом, потом лошадей и ещё чем-то сладким, похожим на карамель. Гомон стоял невероятный: купцы выкрикивали цены, гномы торговали металлом, эльфы продавали

свои тонкие ткани, а в стороне, под навесом, какой-то уса-
тый человечек показывал фокусы с огнём, и дети визжали от
восторга.

Аделина остановила карету у въезда, привязала лошадей
к столбу и предложила.

— Ну, пошли. Ты — смотреть товары, я — смотреть муж-
чин, а потом встретимся у той палатки с пирогами, где крас-
ный флаг. Договорились?

— Договорились, — кивнула я, и мы нырнули в толпу.

Первым делом я, по привычке, направилась к травяным
рядам. Там, под синим навесом, восседал старый эльф с мор-
щинистым лицом, раскладывая пучки сушёного зверобоя,
мяты и ещё каких-то незнакомых растений. Я приняхалась:
один из них пах так остро, что защипало в носу. Оказалось,
это корень «громовика» — редкая штука, помогающая от
простуды и, говорят, отпугивающая нежить. Я взяла три пуч-
ка, отсыпала эльфу медяков и счастливо убрала покупку в
холщовый мешок.

Далее я попала в кузнечный ряд. Гномы, красномордые и
крикливые, выставляли напоказ ножи, подковы, котлы и да-
же какие-то затейливые механизмы, похожие на земные мя-
сорубки, только магические. Я присмотрела себе небольшой
нож для разделки трав — с серебряным лезвием, которое,
по заверению продавца, «не ржавело даже в болотной воде».
Цена была высока, но я сторговалась, добавив в обмен баноч-
ку своей мази от мозолей (гном тут же одобрительно хмык-

нул и скинул ещё две медных монеты).

Пока я искала среди товаров что-то ещё полезное, мой взгляд то и дело возвращался к мужским фигурам. Но, как назло, достойных не попадалось. Вон, жирный купец в бархатном камзоле — он обмахивается платком и пристаёт к торговке цветами; вон, тощий писарь с очками на кончике носа — он явно женат, потому что рядом с ним трое детей таскают его за штанину; вон, молодой солдат в потёртой форме — но у него такой безмятежный вид, что сразу ясно: он даже не думает о семье, только о выпивке и приключениях.

Аделина, тем временем, деловито осматривала каждого проходящего мимо мужчину, и я пару раз заметила, как она приподнимает бровь или, наоборот, недовольно кривит губы. Оборотница подходила к одному торговцу — кряжистому, с румяным лицом, — но тот оказался слишком заискивающим, и она потеряла к нему интерес. Потом она задержалась возле палатки с вином, где какой-то седой бард настраивал лютню, и я увидела, как Аделина улыбнулась, и сердце у меня ёкнуло: неужели она присмотрела кого-то? Но бард оказался приезжим, и через минуту он уже собирал инструмент и уходил, не оглядываясь. Подруга пожала плечами и двинулась дальше.

Я же сосредоточилась на покупках. Купила отличный кусок шерстяной ткани для нового платья — тёмно-зелёный, почти болотный оттенок; нашла керамическую кружку с выбитым на ней узором в виде сосновой ветки — в моей зем-

ной коллекции таких не было, но Лиска оценила бы; и даже заприметила старую книгу в кожаном переплёте, которая, как оказалось, была пособием по местной анатомии для знахарей. Я тут же выложила за неё приличную сумму, потому что такие вещи здесь были редкостью.

Вот так, нагруженная покупками, я добралась до той самой палатки с пирогами, у которой был красный флаг. Там уже сидела Аделина, уплетая горячий пирожок с мясом, и подзывала меня рукой.

— Ну, как охота? — спросила она, жуя.

— Моя — удачная, товаров набрала, — улыбнулась я, опуская мешок на землю. — А твоя?

Аделина вздохнула, отпила из кружки компот:

— Трёх рассматривала. Один — мясник с большими руками, но слишком пахнет кровью, даже для меня. Второй — кузнец, хороший, но у него уже невеста, он мне сам сказал. Третий — молодой дворянин из столицы, ехал проездом, но он оказался настолько занят своей персоной, что я чуть не чихнула ему в лицо от раздражения. — Она усмехнулась и откусила ещё кусок. — Ничего, у нас ещё есть время. Я слышала, завтра прибудут караваны с юга, может, там будут интересные мужчины. А у тебя, кстати, какие планы по жениху? Просто присматриваешь, или уже есть идея?

— Присматриваю, — вздохнула я, — но пока никого. Рынок не велик, если честно. Я даже начала подумывать о том, чтобы нанять фиктивного жениха, но где его найти? В этом

городишке все друг друга знают, слухи разнесутся мигом.

— Эй, не падай духом, — оборотница хлопнула меня по плечу, и я чуть не подавилась пирожком. — В конце концов, если ты не выйдешь замуж, то просто потеряешь магию, но останешься с огромным замком и золотом. Можно и без силы прожить, я бы на твоём месте не отчаивалась.

— Ага, а когда придёт войско или нежить, что я делать буду с замком? Мазью их замажу? — горько пошутила я.

Аделина рассмеялась, и мы ещё долго сидели, доедая пироги и поглядывая на ярмарочную суету. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что, несмотря на всю абсурдность ситуации, я чувствовала себя почти счастливой — рядом была подруга, в мешке лежали полезные покупки, а на горизонте маячил замок, пусть и с прилагающимся брачным принуждением. В конце концов, даже на Земле я не была так вольна и, как ни странно, так насыщена жизнью. Я откусила последний кусок пирога и подумала: «Если я не найду мужа, то хотя бы заживу в замке, как настоящая затворница. И Васька будет скакать по башням. И Лиска ворчать на сквозняки. Не так уж и плохо». Но где-то в глубине души всё же надеялась, что завтрашний южный караван принесёт что-то интересное, может, даже принца, пусть и без белой иномарки.

Глава 6

Следующие несколько дней прошли в странном состоянии. Я просыпалась, завтракала, открывала свою приёмную, лечила пациентов, а между делами — будто невзначай — поглядывала на каждого мужчину, переступавшего мой порог. Сначала я решила, что это само собой разумеется: раз уж мне нужен жених, почему бы не присмотреться к тем, кто уже приходит за помощью? Но реальность оказалась жестокой и даже немного комичной.

На первый день после ярмарки явился Борода. Он принёс обещанный уголь — целый мешок, который с грохотом опустил у порога. Я смотрела на него, вытирая руки о фартук, и честно пыталась представить этого гнома в роли своего мужа. Борода тяжело дышал от натуги, его косички растрепались, а на щеке красовалось свежее масляное пятно. Он выглядел как типичный работяга, который в жизни не держал ничего изящнее кувалды. И хотя он был добрым и платил честно, но при мысли о том, что мне придётся делить с ним постель и слышать его гномий храп, меня пробрала дрожь.

— Матушка ведьма, ты чего такая задумчивая? — спросил он, присаживаясь на лавку, и я заметила, что у него на коленях лежит обгрызенный пирожок.

— Да так, — ответила я, — о жизни думаю.

— Дело хорошее, — покивал он, — я тоже всё думаю, как

бы мне в шахте новый пласт открыть. Уголь нынче дорогой.

После его ухода я вздохнула и достала старый список кандидатов, который набросала в блокноте. Рядом с именем «Борода» я поставила жирный крест.

Следующим был Молот, полуорк-кузнец. Он пришёл уже к вечеру, жаловался на ту же изжогу, но на этот раз я заметила, что у него под курткой — дырявая рубаша, а он даже не чешется, потому что не замечает. Я спросила, не женат ли он. Молот удивлённо хрюкнул:

— Женат, а как же. Третий год. Только она в соседней деревне гостит, потому что я слишком громко ем. А что?

— Ничего, — улыбнулась я, аккуратно ставя в блокноте ещё один крест. — Просто интересуюсь.

Васька, наблюдавший за этой сценой с подоконника, разумеется, не преминул вставить словечко.

— Ну что, Аринка, полуорк уже не вариант? А он, между прочим, руки золотые. Изжога не помешала бы семейной жизни.

— Заткнись, — буркнула я. — И перестань подслушивать мои разговоры с пациентами.

— Я не подслушиваю, я просто лежу и улавливаю, — парировал кот и демонстративно умыл морду, показывая, что ему глубоко наплевать.

На второй день я решила выйти в город и осмотреть окрестности. Вдруг на улицах, среди прохожих, мелькнёт кто-то стоящий? Я надела свой тёмно-синий плащ, взяла

корзинку для покупок (на всякий случай, чтобы не выглядеть как настоящая охотница за мужьями) и отправилась на главную площадь.

Там былолюдно. Гномы тащили телеги с камнями, дети гоняли деревянные обручи, у колодца толпились женщины. Мужчины попадались разные: старый седой стражник, сонно прислонившийся к стене; молодой подмастерье, который смотрел только на свои руки, измазанные глиной; кривой торговец рыбой с огромными мешками под глазами. Я останавливалась у каждого второго, разглядывала, оценивала, и всё было тщетно. У этого дурной запах, у того слишком громкий голос, третий оказался женатым и гордо нёс корзину с капустой для своей тещи. Я даже присела на лавочку у фонтана, чтобы передохнуть, и стала наблюдать за прохожими уже более отстранённо. Но магия судьбы не смилостивилась — никто не подошёл, не заговорил, не встретился взглядом. В этом городишке мужчины были либо слишком заняты работой, либо слишком привязаны к семьям, либо просто не обращали внимания на странную знахарку в синем плаще.

Когда я вернулась домой, Лиска встретила меня с подзрительным сочувствием:

— Ну как? Есть успехи?

— Никаких, — я швырнула корзинку на лавку. — Я тут подумала: может, мне вообще пересмотреть критерии? Может, мне не нужен красавец с конём, а нужен просто нормальный, чтоб он дышал и не храпел?

— Ну, если так, — задумалась домовушка, — а что насчёт того кобольда, который ходил с зубами? Он вроде одинокий.

— Лиска! — возмутилась я. — Кобольды мне до пояса, они едят червей и боятся собственного отражения. Нет!

— Ну, эльф с аллергией? — не унималась она.

— У него глаза вечно слезятся, я думала, он плачет. А он просто чихает на мою пыльцу. И потом, эльфы живут по двести лет, я не готова к такой долгой семейной жизни.

К вечеру третьего дня мои надежды основательно пошатнулись. Я сидела за столом, перебирала сухие листья мяты и машинально записывала в блокнот всё новых и новых «неженыхов». Васька подошёл и ткнулся носом в мою руку:

— Ты чего скисла? Подумаешь, невезуха. Смотри, а может, тебе поискать мужа в другом городе? В том, где драконы, например. Там мужчин больше, и они, говорят, все при деньгах.

— Ты серьёзно? — фыркнула я. — Я сейчас должна бросить дом, пациентов, тебя и Лиску, и уехать в столицу, чтобы найти хоть кого-то? А что я там буду делать? Лечить драконы насморки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.